

ТВОРЧЕСТВО А. П. ЧЕХОВА И НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА¹

М. Ч. Ларионова

Общим местом в филологической науке стало утверждение, что Чехов поднял общечеловеческие проблемы, отразил в своем творчестве все многообразие человеческой природы. Но что делает Чехова именно русским писателем? Думается, помимо изображения социально-исторических российских реалий, речь может идти об универсалиях русской культуры, нашедших воплощение в чеховском творчестве, о том, что составляет основу его национальной самобытности, — о его связях с многовековой традицией, с народной культурой.

Народная культура — это пласт национальной культуры, существующий преимущественно в устной форме, отражающий традиционную картину мира, то есть представления о природе, устройстве мира и общества, «правильном» и «неправильном» поведении, отношениях человека с миром сверхъестественного и т. д., воплощенные в текстах разной знаковой природы,

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А19-119011190182-8.

Ларионова Марина Ченгаровна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, зав. лабораторией филологии Южного научного центра РАН, профессор кафедры отечественной литературы Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону

художественных (сказки, песни, былины и пр.) и нехудожественных (суеверия, приметы), вербальных и невербальных (акциональных, ментальных). Традиция — это и содержание, и способ функционирования народной культуры.

Фольклор в привычном понимании — это вербальная художественная часть народной культуры, ее знаково-символическая система. Связь писателя с фольклором может быть подтверждена его знанием фольклорных текстов, хотя сами эти тексты бытуют в устной передаче и в виде вариантов. Связь же с народной культурой в целом не требует специального подтверждения, поскольку народная культура зафиксирована в бытовых и «праздничных» явлениях, календаре, играх, предметах и языке.

На рубеже прошлого и нынешнего столетий широкое распространение получила этнолингвистика, которая изучает язык сквозь призму человеческого сознания, менталитета, бытового и обрядового поведения, мифологических представлений и мифопоэтического творчества.

Этнолингвисты ввели понятие «культурная терминология»: особая группа «слов», одновременно принадлежащих как языку, так и культуре и дающих представление о «картине мира», традиционном мировоззрении социума [9; 10].

«Культурный термин», или «культурное слово», может функционировать и в литературе, если рассматривать произведение как развернутое высказывание. Это означает, что при помощи культурных терминов можно восстановить и индивидуальную картину мира писателя как представителя определенной культурной традиции, поскольку всякий человек,

говорящий на родном языке, воспроизводит комплекс «свернутых» значений, содержащийся в культурных «словах».

Как происходило освоение этого культурного языка Чеховым?

Во-первых, естественным путем, во время жизни в небольшом провинциальном городе с его обычаями, праздниками, малороссийскими и русскими песнями, суеверными рассказами, особенностями говора, которые некоторое время сохранялись у Чехова и в Москве; через няню и бабушку, верящую в домовых; через московские впечатления, зафиксированные в рисунках Николая Чехова, и т. д. Это городская, преимущественно мещанская культура, по поводу которой Чехов иронизирует, но которую хорошо знает.

Во-вторых, путем специального изучения. Из 121 наименований источников, к которым так или иначе обращался Чехов во время подготовки диссертации «Врачебное дело в России», 38 — по народной медицине, суевериям, традициям и фольклору. Причем некоторые из них в нескольких томах. В личной библиотеке писателя есть книги по фольклору и этнографии [3].

В творчестве Чехова народная культура представлена эксплицитно и имплицитно. В первом случае реалии народной культуры названы и определяют сюжет, характеристики героев и т. д. Например, временем действия некоторых рассказов являются народные праздники («В рождественскую ночь», «Петров день», «29 июня»), используются пословицы и поговорки, приметы, элементы быличек и преданий («Беседа пьяного с трезвым чертом», рассказы о кладах в «Степи»), песни («Лучинушка» в «Ионыче») и т. д. Некоторые рассказы

целиком построены на материале традиционной культуры, как, например, «масленичный» рассказ «Блины» или «свадебные» «Перед свадьбой» и «Кухарка женится».

Кумулятивную структуру, как в народной кумулятивной сказке, имеют рассказы «Налим», «Опекун», «Смерть чиновника» и пр. Это, с одной стороны, служит средством создания комического, а с другой — способствует проявлению чеховского лаконизма. Как сказал по поводу таких рассказов И. Н. Сухих, первым обративший внимание на их сходство с народной сказкой, «парадокс чеховской краткости может быть сформулирован таким образом: краткость, сжатость чеховского повествования возникает именно благодаря повторам и соотношениям разнообразных элементов текста» [7, с. 67], то есть кумуляции. Кумулятивные сюжеты, в отличие от других, не оставляют возможности для непредсказуемого развития событий. Они однозначны и ясно выражают авторскую позицию. Кроме того, в народной кумулятивной сказке почти нет социальной сатиры. Чехов же использует этот прием в том числе и как сатирический.

Народная культура у Чехова не орнаментальна, но всегда функциональна. Обращение к ней позволяет писателю художественно воплотить наиболее узнаваемые жизненные ситуации средствами фольклорной условной типизации, разрушить ожидания воспитанного в традиции читателя, что создает комический эффект, пародировать популярные и общеизвестные фольклорные сюжетные модели, включать в рассказы народную смеховую стихию.

Во втором случае элементы народной культуры располагаются на разных уровнях текста и требуют специального этнокультурного комментария. Например, мы уже показывали, что образ Егорушки в «Степи» структурно связан не с «комплексом св. Георгия», как полагают некоторые исследователи [2; 5], а с фольклорным образом «Георгия вешнего», или «зеленого Юрия», центрального персонажа Егорьева (Юрьева) дня, покровителя обрядов перемены статуса, объезжающего на коне поля и луга — чрезвычайно популярного на юге России [1].

Приведу другой пример. Известно, что И. Бунин по поводу пьесы «Вишневый сад» говорил, что вишневых садов в России нет. Дело даже не в том, что вишневые сады на юге России были, и притом промышленные, а в том, что вишня здесь обладает особой символикой, актуальной и в обрядах (до сих пор в свадебный каравай вставляют вишневую ветку, по цветущей вишне гадают), и в песнях, вплоть до мотива продажи вишневого сада (девушка просит отца продать вишневый сад и купить ей наряд: фольклористу ясно, что это свадебная песня и речь идет не о буквальной продаже сада, а о перемене статуса девушки-невесты, о ее замужестве — вишня символизирует девичество). Такое осмысление главного символа пьесы позволяет занять позицию в споре чеховедов о финале пьесы — это полный и безоговорочный конец или все же начало нового жизненного цикла. Семантика возрождения, заложенная в вишне традиционной культуры, заставляет присоединиться ко второй точке зрения.

Чеховские символы не конструируются искусственно, а вырастают из повседневной жизни. Они связаны не с мистикой,

а с реальностью. Но таков символ и в традиционной культуре. Не случайно Е. Фарыно сказал, что за чеховскими мотивами стоят «скорее мифологемы народной культуры, чем просто реалистические детали бытового уровня» [10]. Как же читатели (и зрители) «опознают» в обычных предметах и явлениях символы? Очевидно, они видят в обыденном какой-то другой смысл, помимо прямого вещественного или событийного, и этот смысл рождается из диалога между тем, что предлагает писатель, и культурной матрицей, существующей в сознании зрителя или читателя. А матрица формируется всей предшествующей традицией, начиная с мифа и ранних форм фольклора. Поэтому когда Наташа в «Трех сестрах» предпочитает елям цветочки, она находится целиком в рамках традиционной культуры в ее городском, мещанском изводе. И цветочки становятся символом воспроизводящей экспансии, «женскости» Наташи именно в контексте этой культуры. Равно как ели, которые в народной традиции связаны с бесплодием и смертью, экстраполируют эту свою символику на сестер.

Но связь чеховского творчества с народной культурой не прямолинейна. Чехов преображает каноническую традицию порой до неузнаваемости. Сохранение структуры с переменной значения вплоть до противоположного в фольклоре В.Я. Пропп назвал «обращением». Любопытно, что этот же механизм мы встречаем у Чехова по отношению к народной традиции в ее разных проявлениях. В рассказе «Налим» герои пытаются руками вытянуть из реки рыбу, как в сказке тянут репку: Любим — за Герасима, Ефим — за Любима, пастух Василий — за Ефима, барин Андрей Андреич — за Василия. Тянут-потянут... Не вытя-

нули. Вся сказочная конструкция распалась, оказалась бесплодной. В рассказе «На пути» этнографически и фольклорно точно воспроизведена структура Рождества. Казалось бы, праздник состоялся, обрядовые действия совершаются, вплоть до колядования. Но изображены они в рассказе причудливо, с противоположным смыслом. Обновления, возрождения мира и человека не происходит. Может начаться, но не начинается любовь Иловойской к Лихареву. Может начаться, но не начинается духовное возрождение Лихарева. Случайная встреча может обернуться, но не оборачивается семьей, родством, обретением дома, прекращением странничества. Рождество состоялось как календарное событие, но не как трансцендентное. И трудно согласиться с А. С. Собенниковым, что Чехов, «опираясь на символику Рождества и святок, говорит об онтологическом единстве мира, где противоположные качества ... снимаются актом чуда рождественской ночи» [6, с. 141–142]. В рассказе Чехова как раз этого чуда и не происходит. Герои оказались исключены из циклического времени и естественного хода событий. Чехов «обращает», трансформирует не только святочный обряд, но и литературную традицию «святочных рассказов» со счастливым концом.

С. Ю. Неклюдов писал об отношении литературы и народной культуры: «любой носитель культурной традиции гораздо в большей степени, чем это принято думать (и чем он сам это полагает), владеет “фольклорным” знанием, получая его из детского чтения, из речевого обихода, насыщенного фразеологическими и проverbsиальными формами, из отзвуков устных текстов, эхо которых неминуемо достигает каждого. Попадая

в силовые поля религиозно-мифологической традиции или литературной фантазии, эта “семантическая пыль” при благоприятных обстоятельствах способна кристаллизоваться в семиотических текстах культуры» [4, с. 31]. Это в полной мере относится и к творчеству Чехова, для которого народная культура выступает в роли материала или инструмента.

Литература

1. Архипенко Н. А., Ларионова М. Ч. Этнокультурный комментарий к повести А. П. Чехова «Степь»: структура, содержание и перспективы / Н.А. Архипенко, М.Ч. Ларионова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. — 2011. — № 2. — С. 32–41.
2. Зубарева В. Настоящее и будущее Егорушки: «Степь» в свете позиционного стиля / В. Зубарева // Десять шагов по «Степи» (Ten steps along the “Steppe”). — 2017, Idyllwild, Charles Schlacks, Jr. Publisher, CA. — С. 6–33.
3. Ларионова М. Ч. Фольклор и этнография в книгах личной библиотеки А. П. Чехова / М. Ч. Ларионова // Личная библиотека А. П. Чехова: литературное окружение и эпоха. — Ростов н/Д: Foundation, 2016. — С. 6–16.
4. Неклюдов С. Ю. Традиции устной и книжной культуры / С. Ю. Неклюдов // Слово устное и слово книжное: Сб. статей. — М.: РГГУ, 2009. — С. 15–40.
5. Сендерович С. Чехов — с глазу на глаз. История одной одержимости А. П. Чехова. Опыт феноменологии творчества / С. Сендерович. — СПб., Дмитрий Буланин, 1994. — 286 с.

6. Собенников А. С. Судьба и случай в русской литературе: от «Метели» А. С. Пушкина к рассказу А. П. Чехова «На пути» / А. С. Собенников // Чеховиана: Чехов и Пушкин. — М.: Наука, 1998. — С. 137–144.

7. Сухих И. Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова / И. Н. Сухих. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. — 184 с.

8. Толстая С. М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры / С. М. Толстая // Славянский и балканский фольклор: Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. — М.: Наука, 1989. — С. 215–230.

9. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. — М.: Индрик, 1995. — С. 15–27.

10. Фарыно Е. К невостребованной мифологемике «Лошадиной фамилии» Чехова / Е. Фарыно // *Literatura rosyjska przelomu XIX i XX wieku*. — Gdansk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdanskiego, 1999. — S. 28–38.

Аннотация. В статье рассматриваются те особенности творчества Чехова, которые делают его прежде всего национальным писателем, — наличие универсалий русской культуры, связь с народной традицией, которая зафиксирована в бытовых и «праздничных» явлениях, календаре, играх, предметах и языке. Освоение национального культурного языка Чеховым происходило естественным путем, через окружающую его городскую культуру, и путем специального изучения. Народная культура в творчестве

Чехова представлена эксплицитно и имплицитно. В первом случае реалии народной культуры названы и определяют сюжет, характеристики героев и т. д. («В рождественскую ночь», «29 июня», «Блины»). Во втором случае элементы народной культуры располагаются на разных уровнях текста и требуют специального этнокультурного комментария («Степь», «Вишневый сад»).

Ключевые слова: Чехов, рассказы, пьесы, народная культура.